

90 лет
Саратовскому
университету

ПИСЬМА ПРОФЕССОРА В.Д. ЗЁРНОВА ПЕРИОДА ОТКРЫТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1909 – 1914*

Знакомство с эпистолярным наследием профессора В.Д. Зёрнова завершают письма, написанные ученым в период с 1911 по 1914 год. В них, в отличие от опубликованных ранее, освещавших время подготовки и проведения торжеств по случаю официального открытия в Саратове десятого русского университета, рассказывается о не менее завораживающем периоде его истории – начале серьезной научной работы на кафедре общей физики. При этом автор писем не ограничивается простым перечислением событий и фактов из кафедральной жизни, а в присущей ему красочной манере стремится передать их через призму биографий и судеб своих первых помощников – ассистентов, лаборантов и даже служителей, без ощутимой поддержки которых ни учебный, ни научно-исследовательский процесс на кафедре был бы невозможен. В своих посланиях к жене, находившейся тогда в Москве, Владимир Дмитриевич делится редчайшими, мало кому известными сведениями из истории строительства и ввода в строй здания Физического института Саратовского университета (ныне III корпус СГУ), а также сообщает любопытные подробности, касающиеся общественно-политической дифференциации саратовской профессуры, и многое другое.

Предлагаемая читателям подборка, состоящая из 33 писем, полностью передает стилистические особенности авторского изложения. Что же касается купюр, то они были сделаны публикатором вполне осознанно, с целью вычленения из разрозненного потока информации прежде всего сведений научного и общественно-политического звучания.

Вступительная заметка, комментарии и подготовка писем к публикации *В.А. Соломонова*

19 апреля <1911 г.>

Лапушка моя ненаглядная! Получил вечером твое первое письмо. Теперь буду жить письмами. <...>

Сегодня толкового почти ничего не сделал, хотя целый день пропутался в лаборатории. Утром читал по поводу отопления и вентиляции, т.к. завтра у нас заседание по этому вопросу и мне хотелось быть осведомленным¹. Потом двоих экзаменовал, а потом мне пришло в голову, что недурно для последней лекции показать радий. <...>

Вечером Ваня² делал фотографии [с] радием для лекции, а я вычерчивал

* Окончание. Начало см.: Изв. вузов «ПНД», т. 7, № 2–3, 1999. С. 156.

параболу для новых зеркал, как советовал мне П<етр> Н<иколаевич>³. Очень уж громоздко получается. Отверстие зеркала имеет квадратный метр.

Сегодня появился Заборовский⁴. Оказывается, он на праздниках устраивал демонстрацию опытов и прочитал небольшую лекцию для экскурсантов, которые приезжали в Саратов и были в университете, – это учителя и ученики земских школ⁵. Я рад, хоть немного он самостоятельность проявляет. Вот кто действительно старается и, по-моему, сделал большие успехи – это Ваня. Он сделал для лекции две отличные рентгенограммы, наладил демонстрацию электрических колебаний и их отражение и электрический резонанс. Все это совершенно самостоятельно.

Вопрос об распределении экзаменов решится в четверг. Очень боюсь, что меня задержат долго. Бируков⁶ уже отпросился рано уехать, т.к. Инну Александровну⁷ рекомендуют взять на кумыс и он хочет с ней ехать. Ив<ан> Аф<анасьевич>⁸ говорит, что Инне Ал<ександровне> надо, главное, от Б<ориса> И<оновича> отдохнуть и что совместная поездка бесполезна.

Господь над всеми вами. Крепко целую тебя, мое солнышко, сладких ребяток, папу и маму⁹.

¹ Речь идет о заседании Строительной комиссии Саратовского университета, полноправным членом которой В.Д. Зёрнов был назначен с 12 марта 1911 года (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 33. Л. 43).

² Серебряков Иван Максимович (1888–1918), лекционный ассистент при кафедре физики Саратовского университета; выходец из крестьян села Любучан Молодинской волости Подольского уезда Московской губернии. До переезда в Саратов работал механиком при кафедре экспериментальной физики Московского университета. Позже В.Д. Зёрнов напишет о нём в воспоминаниях:

«Я знал его со своей студенческой скамьи. Он учил меня практическому мастерству, которое в школе П.Н. Лебедева считалось обязательным. Относились мы друг к другу с взаимной симпатией. Иван Максимович был хорошим механиком, но совершенно неопытным в лекционном эксперименте. Я выбрал его просто как хорошего человека, да и он охотно согласился перейти ко мне <...>. Лебедев весьма одобрил мой выбор. И хотя Иван Максимович по малому своему образованию не мог проявить большой инициативы в лекционном эксперименте, зато, что было ему показано и им усвоено, он исполнял исключительно старательно и четко <...>

Через два–три года Серебряков сделался отличным лекционным ассистентом. Его высоко ценили не только на кафедре физики, но и соседи по лабораториям. Гордягин, Вормс, да и сам В.И. Разумовский завидовали мне, что у меня такой хороший помощник. К сожалению, Иван Максимович очень рано умер. Летом 1918 года в Саратове произошла вспышка холеры. Утром он захворал, а к вечеру его уже не стало». (Зёрнов В.Д. Записки русского интеллигента // Волга. 1993. № 11. С. 141–142).

³ Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), физик, профессор Московского университета.

⁴ Заборовский Владимир Александрович (1876–1911), лаборант при кафедре физики Саратовского университета (с 28 января 1910 года).

«В эксперименте, – отмечал Владимир Дмитриевич, – он, как и Серебряков, был малоопытен, но с большим интересом относился к работе. Он первый руководил практическими занятиями. Заборовский проработал недолго, года два, он болел туберкулезом и умер совсем молодым человеком» (Зёрнов В.Д. Указ. соч.) (Волга. 1994. № 2. С. 122).

В.А. Заборовский скончался 11 сентября 1911 года и похоронен на саратовском кладбище при Старо-Троицком соборе.

⁵ Речь идет о регулярно устраиваемых с 1910 по 1914 год Саратовской уездной земской управой летних экскурсиях для учеников и учителей сельских школ, посещавших губернский центр «с целью ознакомиться с городом, его учебными и просветительными учреждениями и обществами» (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 22. Л. 82).

⁶ Бируков Борис Ионович (1873 – ?), ординарный профессор по кафедре зоологии Саратовского университета.

⁷ Бирукова (урожденная Остроумова) Инна Александровна, жена профессора Б.И. Бирукова.

⁸ Чуевский Иван Афанасьевич (1857–1926), ординарный профессор по кафедре физиологии Саратовского университета и первый декан медицинского факультета.

⁹ Дети и родители учёного: Зёрнов Дмитрий Владимирович (1907–1971), Талиева (урожденная Зёрнова) Татьяна Владимировна (1909–1989); Зёрнов Дмитрий Николаевич (1843–1917), анатом, профессор и ректор (1898–1899) Московского университета; Зёрнова (урожденная Машковцева) Мария Егоровна (1841–1913).

21 апреля < 1911 г.>

Голубка моя ясная, Катенушка моя золотая! Получил сегодня утром твое письмо. Поцелуй милого нашего мальчику за письмо с цыплятками. Дорогие мои, очень мне без вас скучно!

Сегодня было заседание Совета, с половины второго просидели до половины шестого. Мне представляется, что все можно было бы сделать, по крайней мере, вдвое скорее. Очень много пустого говорят. Воображаю, что будет, когда много профессоров будет?!¹

У меня экзамены назначены 7-го, 17-го и 18-го. Может быть, еще и не соберетесь до моего приезда переезжать в деревню², [не известно] еще, какая погода в мае будет. Сейчас здесь жара. Сегодня днем были ветер и пыль, а сейчас посветлело. Сейчас всего 13° (11 час<ов> вечера), но днем было очень жарко. Домой с Совета пришел почти в 6 ч<асов> и совсем забыл, что сегодня четверг и надо репетировать фельдшерниц. В половине седьмого явилась их старостиха и сказала, что меня дожидаются в школе ученицы. Пришлось тотчас после обеда идти. Просидел там до девяти <...>.

Отдавал я свои пиджаки в починку. Сегодня прислал их портной и я сейчас в одном из них, но все еще неудовлетворительно. <...> Придется опять нести. Такая досада, что я не отдал хорошему портному. Лучше было бы в Москве отдать Чистякову. По крайней мере, за дело деньги платишь. <...>

У Бируковых опять Шурка³ захворал. Говорят, Angina, т<ак> что я к ним не ходил. Работу все еще не наладил. Все как-то время разбивается. Сегодня получил аванс и послал купить матерьялу для новых зеркал, да прилаживал другой индукторий, по совету П<етра> Н<иколаевича>, значительно меньший.

Как Мика и Таточка отнеслись к гостям (Власовым)⁴ – хорошо ли играли? Очень интересно, как прошел в Москве день ромашки? <...>

Господь над всеми вами. Крепко, крепко целую тебя, моя ненаглядная, ребятки и родителей. Пойду спать, чтобы скорее пришло завтра и я получил твое письмо.

¹ В 1911 году профессорско-преподавательский состав Саратовского университета состоял из 18 человек (без учета младшего вспомогательного персонала): 17 профессоров и 1 приват-доцента.

² Имеется в виду усадьба «с красивым названием – Дубна», купленная Д.Н. Зерновым за несколько дней до рождения сына в Серлуховском уезде Московской губернии, «в 10 верстах от станции Лопасня Курской железной дороги». По воспоминаниям Владимира Дмитриевича – «Это была дача, но довольно большая – 10 десятин. При доме имелся тенистый липовый парк, там росло несколько громадных старых елей, по-видимому, остатки более старого парка, посаженного в тридцатых годах XIX столетия. Рядом с домом находилось два пруда – один выше другого. Нижний был сравнительно большим и чистым – в нем мы всегда и купались. За ним тянулась аллея из больших елок, откуда открывался вид на дом и парк <...>. За малым прудом стояли кое-какие хозяйственные постройки: скотная изба со скотным двором, конюшня, сарай. В огороде, вначале совершенно запущенном, росло несколько задичавших яблонь» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1993. № 7. С. 120).

³ Бируков Александр Борисович (1907–?), сын профессора Б.И. Бирукова.

⁴ Речь идет о родственниках жены В.Д. Зёрнова – Екатерины Васильевны Зёрновой (урожденной Власовой) (1885–1959).

22 апреля <1911 г.>

Голубка моя, Катенушка милая! Сегодня опоздал опустить вчерашнее письмо, так что, верно, его с запозданием получишь. Получил утром твою открыточку. Милуша моя, пиши побольше; хотя мне сладко всякое письмо, но хочется подольше его читать и побольше знать час за часом, что вы делаете, что ты, мое солнышко, думаешь?

Сегодня с утра отправился к портному, но его не застал. Жена его сказала, что он может прийти в 4 часа. Я был дома в это время, а в конце пятого ушел в университет. Он пришел следом за моим уходом. Обещал завтра прийти в 10 часов утра.

Днем и вечером ковырялся с[о] своим вибратором. Теперь беру ток не от умформера, а прямо от цепи, что, оказывается, гораздо лучше. Лучше ли действует маленький индуктор сравнительно с большим, – этого еще не выяснил. Во всяком случае, по-видимому, несколько слабее, но если выяснится, что [он] ровнее

большого, то, конечно, за ним преимущество. Ваня делает зеркало, но сегодня его оторвали. Опять просьба показать опыты экскурсантам, которые явятся завтра. Я поручил демонстрировать Заборовскому, но, конечно, приготовить он один не может.

Вечером из университета позвал Заборовского пить чай, но он был без пальто, а сегодня прохладно, так что пошли сначала к нему за пальто. У него оказался готов самовар и мы попили чай у него, а потом он пошел меня провожать и дома я продолжил чаепитие. Заборовский просидел до одиннадцатого часу. У него невозможный вид. Он страшно худ и бледен.

Теперь в степи за Волгой цветут тюльпаны. Хотелось бы мне посмотреть, да не знаю, куда это надо поехать. Поговорю с Гордягиным¹. Может быть он тоже поинтересуется. Супруги Бируковы на Пасхе катались до Вольска на пароходе.

<...> Федор Тархов² тоже просится в отпуск; когда другой Федор³ придет, придется отпустить. <...> Маленькая! Я думаю перед отъездом вынуть на лето рублей 300, а потом их пополним июньским и июльским жалованьем, а за квартиру расплачусь до сентября майским жалованьем, квартирными и школьными.

Господь над всеми вами. Сладкая моя. Целую крепко тебя, ребяток и папу с мамой.

¹ Гордягин Андрей Яковлевич (1865–1932), ординарный профессор по кафедре ботаники Саратовского университета (1909–1914).

² Тархов Федор Андреевич (1875–?), служитель при кафедре физики Саратовского университета.

³ Троицкий Федор Федосеевич (1883– не ранее 1953), механик механической мастерской при Физическом институте Саратовского университета.

24 апреля <1911 г.>

Ненаглядная моя, сладкая Катенушка! Получил сегодня посылку. Спасибо, моя крошечка. Сейчас пришел из театра, смотрел оперетку «Граф Люксембург»¹. Я как-то на улице встретил Драгоша, который поет здесь в оперетке, и он говорил, что это хорошая оперетка. Правда, музыка хорошенькая и играют весело. Всех хуже сам Драгош. Драгош – это муж Доленго², которая, помнишь, в опере пела.

В театре встретил Разумовского³, с которым и проболтали все антракты. Сегодня с утра пошел в лабораторию и провозился до трех часов, потом пришел обедать, прочитал газету и опять пошел в лабораторию. Т<ак> к<ак> сегодня воскресенье, то в университете никого не было и я, таким образом, до самого вечера не сказал почти ни одного слова. Рад был встретить В<асилия> И<вановича>, чтобы хоть немного язык размять. <...> Сегодня совсем холодный день, сейчас только шесть градусов. Кажется, это для Саратова совсем не подходяще.

Сегодня перед театром зашел к Ване, нужно было сказать, чтобы осмотрел вентиляторы, т.к. мне казалось, что один на чердаке (в университете) работает, не прерываясь, уже вторые сутки. <...>

Милушка моя, каждое утро, как просыпаюсь, прежде всего, не умываясь, иду в галерею к ящику и пока, слава Богу, каждый раз нахожу твои сладкие письма. <...> Маленькая, если погода будет сносная и ты себя будешь прилично чувствовать, надо бы к Н<адежде> П<етровне>⁴ крестницу свозить, а то обида выйдет.

Ну, Господь над тобой, мое солнышко. Крепко–накрепко целую тебя, моя родная, ребяток наших сладких, папу и маму.

¹ Название оперетты венгерского композитора Ференца Легара (1870 – 1948), написанной в 1909 году и пользовавшейся большим успехом на русской сцене.

² Доленго–Драгош (настоящая фамилия Невадовская) Мария Александровна, артистка оперы (меццо–сопрано) и оперетты. Выступала в Екатеринбурге (1908, 1912–1913), Петербурге (с 1914), Ростове–на–Дону (1921).

³ Разумовский Василий Иванович (1857–1935), заслуженный ординарный профессор, организатор и первый ректор Саратовского университета

⁴ Щепотьева Надежда Петровна (? – 1950), начальница Московской частной женской гимназии, в которой училась Е.В. Власова и начинал преподавать физику В.Д. Зёрнов.

27 апреля <1911 г.>

Золото мое ненаглядное, ясная моя Катенушка! Спасибо милая, что аккуратно пишешь и такие сладкие письма. Хорошо, мое солнышко, что съездила к Н<адежде> П<етровне> – она к нам очень ведь хорошо относится, а ей от нас ничего не надо.

Теперь у нас очень тепло и чудные лунные ночи. Маленькая, я хочу в рождение¹ прокатиться по Волге. Звать кого–нибудь?.. Мне никого не надо, [да] и что я с гостями буду делать? К музыкантам я не ходил, у них перед экзаменами так много работы, что, я думаю, не до игры. Зайду все–таки к Гаекам² как–нибудь, взять ноты. <...>

Сегодня с утра был в лаборатории, определял резонанс от маленького вибратора. Мало он у меня энергии дает. Не знаю, что с ним делать. Ваня все возится с зеркалами; такие большие зеркала довольно трудно делать. Особенно трудно выровнять плоские зеркала, – все их коробит. Перед обедом надо было пойти к Милье, купить кое–что для лаборатории. После обеда опять пришел в лабораторию, но с колебаниями не работал, а налаживал фотографирование звука³. Заборовский известил меня письменно, что прибудет, чтобы помочь фотографировать, но фотографировать надо вечером, а вечером у нас был Совет, так что опять ничего не вышло. Условились завтра вечером.

Сегодня Совет был по поводу чествования Разумовского⁴. Он сам уехал вверх по Волге в Самару к родным. Редактировали адрес. Адрес составляли Преображенский⁵ с Ив<аном> Аф<анасьевичем> – несколько высокопарно, так что порядочно его пообкорнали. Теперь ничего, хорошо. Рамка, которую мне поручили заказать, еще не прислана, так что я телеграфировал и получил уже ответ, что она выслана. Ну, завтра или послезавтра получу, а т.к. В<асилий> И<ванович> вернется только в субботу, то все поспеет.

Милые мои детки, я очень рад, что вы были умники в гостях у Таточкиной крестной. Удовлетворена ли няня и не заметно ли в ней сепаратистских наклонностей? Сегодня ночью произошел следующий случай: на умывальном столике стояла стеклянка со старой перекисью водорода. В два часа ночи я проснулся от выстрела – это разорвало этот пузырек на мелкие куски выделившимся кислородом.

Господь над тобой, моя лапка, и над всеми вами. Крепко целую мою сладкую Кисану, маленьких моих пузырьков, папу и маму.

¹ То есть, 1 мая – день рождения В.Д. Зёрнова.

² Братья–музыканты: Гаек Ярослав Ярославович (1881–1919), скрипач, педагог, в 1912–1919 годах преподавал в Саратовской консерватории игру на скрипке; Гаек Эмиль Ярославович (1886–1974), пианист, педагог, профессор по классу специального фортепиано (1912–1921) и ректор (1919–1921) Саратовской консерватории. В 1921 году вернулся на родину в Югославию.

³ Данное экспериментальное исследование окончательно было завершено и представлено в виде печатной научной работы лишь в 1916 году. (См.: Зёрнов В.Д. Фонограммы гласных человеческой речи // Известия Императорского Николаевского Университета. 1916. Т. 7. Вып. 1. С. 115–126).

⁴ На состоявшемся 27 апреля 1911 года экстренном заседании Совета Императорского Николаевского Университета, «принимая во внимание выдающиеся заслуги первого Ректора профессора Василия Ивановича Разумовского в деле создания и организации Императорского Николаевского Университета», было принято решение: «1) Посвятить ближайший выпуск «Известий Императорского Николаевского Университета» профессору Василию Ивановичу Разумовскому; 2) поместить в этом выпуске портрет и краткую биографию Василия Ивановича Разумовского, поручив составление последней редактору, ординарному профессору И.А. Чуевскому и 3) принести профессору В.И. Разумовскому от имени Совета <...> приветствие». (Чуевский И.А. Профессор Василий Иванович Разумовский. (К XXX–летию научно–педагогической и врачебно–общественной деятельности). Саратов, 1911. С. 12–13).

⁵ Преображенский Алексей Феоктистович (1875–1920), протоиерей, профессор

православного богословия Саратовского университета, человек исключительно эрудированный не только в вопросах церковной теологии, но и в области гражданской истории (в особенности древней), литературы и философии.

28 апреля <1911 г.>

Милушка моя ненаглядная, Кисана! Сегодня сколько не смотрел в ящик, но письма не нашел. Не успела написать или не дошло письмо? Лишь бы здоровы были все. Рамки тоже не получал, хотя она будто бы отправлена двадцать пятого.

Сегодня утром сначала зашел в Университет посмотреть, что делает Ваня, а к одиннадцати часам был на Московской площади. Сначала ходили по стройке и матерьялам, а потом еще сидели за разными делами в конторе до половины третьего. Оттуда проехал на пристани узнать, как можно съездить в Вольск. Можно будет вечером в 11 часов в субботу выехать с Волжским пароходом, а в воскресенье вернуться к вечеру на пароходе общества «Русь». Со мной хочет ехать Заборовский. Я компании рад. Для физики он не годен, ну хоть для компании пригодится. Я его и сегодня для компании использовал. Мне хотелось фотографировать с новой установкой, и я его приставил к вольтовой дуге, а сам снимал. Вышло очень хорошо. Снял букву Ы и И. Особенно Ы хорошо вышла. Провозились до одиннадцати часов правда <...>.

Маленькая моя, в субботу в час отправлюсь на Московскую площадь. Может быть в это время будут начинать земляные работы. Я хочу сам начать первую лопату земли. Мы сегодня ходили смотреть кладку на леса строящихся зданий; отсюда вид на весь город, горы и Волгу видно. У нас ведь площадка будет на крыше. Оттуда будет хороший вид. Лапка моя, вчера в письме я послал цветок яблони из садика. Дошло ли письмо? Я боюсь, что покажется толщина письма подозрительной и его выбросят. Огурцы сильно цветут, но завязи нет, вероятно оттого, что нет насекомых <...>.

Милые мои, Господь над вами. Крепко целую тебя, моя ясынька, ребятки и родителей.

29 апреля <1911 г.>

Дорогие мои! Сегодня у меня хороший день – я получил твое, мамочка, милое письмо и Катенушкиных два – одно, которое должно было вчера получиться. Милая мама, не утомляй себя покупками и меняньем; право, у ребят всего надарено так много. Дай только Бог, чтобы здоровы были. Вот у Бируковых все хворь.

Сегодня весь день был в лаборатории и днем точил оправы для зеркал для наблюдения двух гальванометров одновременно в одну трубу, а вечером фотографировал. Фотографии удаются хорошо, только сегодня слишком широкую щель сделал, а потому вышло грубовато, но зато очень явственно. Помогал Заборовский. Конечно, тут помощь небольшая и мог бы даже Тархов помогать, но я беру Заборовского для развлечения, а то вечером одному очень уж скучно, ну все-таки и некоторая помощь. Получил наконец сегодня накладную на рамку, завтра пошло Федора за ней на вокзал.

Сегодня погода была посеред, но все-таки ничего, так что я, придя домой в 7 часов, вытащил стол в садик и пил там чай. Садик сейчас очень славный. Вишни как снегом покрыты цветом и яблони в цвету. Со мной вышел Вася¹ и забавлял меня – делал стойки на появлявшихся котках и кошечках, которых тут великое множество. Потом пришел Заборовский и мы отправились снимать. Сейчас уже двенадцатый час и поднялся страшный ветер и пыль. Если погода испортится, то, конечно, никуда на первое [мая] не поеду.

Разумовский еще не возвращался. Мюфке² обещает непременно в этот строительный период вчерне кончить здание института, говорит, что если не будет готово, то пусть его повесят тут же на столбе. Слава Богу, хоть начинают-то.

Как-то в Москве все наладится? Хоть бы Столыпин с Кассо ушли, тогда легче наладить³.

Господь над всеми вами. Крепко всех вас целую и иду спать.

¹ Вася – кличка кота, жившего в доме В.Д. Зёрнова.

² Мюфке Карл Людвигович (1868–1933), архитектор–художник, строитель зданий Саратовского университета на Московской площади.

³ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел и председатель Совета Министров (1906–1911); Кассо Лев Аристидович (1865–1914), в сентябре 1910 года назначен главноуправляющим Министерства народного просвещения, в 1911–1914 годах – министр народного просвещения.

В данном случае автор обеспокоен событиями, просшедшими в 1911 году в Московском университете, когда в знак протеста против произвола полицейско–административной машины царизма его стены покинули 131 профессор и преподаватель. «Опустошение в собственной стране, собственной рукою, устранение целой академии собственных научных выдающихся сил, – возмущенно писал по этому поводу П.П. Подъяпольский, – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения и справедливости!». Однако сам Л.А. Кассо, этот, по меткому определению К.А. Тимирязева, «суперарбитр, поставленный у Чернышева моста ведать русскую науку...», «...авторитет которого измеряется только титулом и окладом, присвоенным случайно занимаемому им служебному месту...», оценивал дело рук своих совершенно иначе. Он был тверд и непоколебим, утверждая в открытую, «...что потери Московского университета <...> невелики и русским ученым остается или преклониться перед этим разговором, или устраниваться...». (Из письма П.П. Подъяпольского Д.Н. Зёрнову от 24 июня 1915 года // Архив В.Д. Зёрнова; Тимирязев К.А. Наука и демократия. Сб. статей 1904–1919 гг. М., 1963. С. 61–62).

30 апреля <1911 г.>

Золото мое ненаглядное, детка моя, Катенушка! Я никуда не поехал. Во–первых, сегодня погода испортилась, несколько раз шел дождь. Правда, сейчас разгулялось и [стоит] чудесная лунная ночь, но сравнительно прохладно – 12°, а на воде, верно, меньше; да и настроения нет ехать. [Во–вторых,] сегодня начали земляные работы по институту. Я с Ваней и Ив<аном> Аф<анасьевичем> [Чуевским] начинали. Землекопы, конечно, поздравляли с началом дела и получили на чай с меня и архитектора. Начали стройку с первой весенней грозой и дождем. Мюфке говорит: «это хорошо, Святой водой начало работ окроплено». Ты рада, маленькая, что начали работу? А вот в лаборатории сегодня я был разочарован: зеркала, что серебрил вчера Ваня и к которым я делал оправы, никуда не годятся. Оказывается, совсем плохое стекло, вовсе не плоско–параллельное и ими пользоваться нельзя. <...>

Челинцев¹ в страшной обиде, что его не поддержали (и главным образом на меня) и говорил мне, что если я буду против него выступать, то и он тоже против меня будет. Вот дурак! Я сказал ему, что если он найдет что–либо такое, что найдет неправильным, то я очень прошу его критиковать и буду за это благодарен.

Господь с тобой, моя радость. Крепко целую тебя, солнышко, ребят, папу и маму.

¹ Челинцев Владимир Васильевич (1877–1947), экстраординарный профессор по кафедре химии Саратовского (1910–1912, 1918–1947) и Московского (1912–1917) университетов.

1 мая <1911 г.>

Дорогие мои, хорошие! Спасибо за поздравление – я все получил, а посылка запоздала, верно, завтра принесут. Рожденье свое отметил тем, что утром ходил в собор¹. Был потом в университете, но не работал сам; была сегодня там экскурсия учеников Самарского коммерческого училища. Кое–что им показывал. Потом сделал визит Масленниковой². Людм<ила> Льв<овна> с нами все–таки очень приветлива. Она что–то курс изменила – в дружбе с новой губернаторшей³. Говорит, очень–де славная.

После обеда ходил опять в университет. Убедился окончательно, что зеркала

никуда не годны. Потом пил чай в садике. В садике очень славно, зацвела сирень. Пришел Заборовский и мы с ним отправились в театр – шла «Перикола» Оффенбаха, но неважно; певцы неважные, а главное оркестр и хор очень плохи. Оффенбах требует все–таки хороших сил. Дашу тоже отпустил в театр – общедоступный⁴.

Погода сегодня днем была очень хорошая, не жарко и солнечно, а теперь всего десять градусов. Не помню, писал ли я, что Словоцковы⁵ переезжают в ту квартиру, где я в прошлом году один жил, в доме Катковой? Завтра мы всем Советом в Правлении поздравляем Разумовского и подносим адрес. Не знаю, будет ли готова группа?

Милые мои, пойду спать, уже поздно. Крепко, крепко вас всех целую. Милых деток забавных моих за меня покрепче приласкайте. Господь над вами всеми.

¹ Александро–Невский кафедральный (Новый) собор. Уничтожен в 1934 году; ныне на его месте находится стадион «Динамо».

² Масленникова Людмила Львовна, жена саратовского адвоката и члена III Государственной Думы А.М. Масленникова (1858–?).

³ Речь идет о супруге саратовского губернатора П.П. Стремоухова (1865– ?) Софье Александровне, способствовавшей открытию в Саратове консерватории (1912).

⁴ Открытие Саратовского общедоступного народного театра в саду Сервье состоялось 27 января 1891 года. Газета «Саратовский листок» писала: «...ни один город в России, сколько нам известно, до сих пор не имел постоянного доступного для недостаточной массы театра, и нам очень приятно, что честь в этом прекрасном деле, первая серьезная попытка принадлежит нашему городу...». (Саратовский листок. 1891. 29 января). 12 июля 1901 года деревянное здание театра сгорело, но популярность его была столь велика, что уже в 1905–1906 годах по проекту архитектора Г.Г. Плотникова было выстроено новое каменное здание театра с трехъярусным зрительным залом на 1345 мест. С этого времени Общедоступный театр обретает статус профессионального.

⁵ Семья профессора по кафедре фармакологии с рецептурою, токсикологию и учением о минеральных водах Саратовского университета Бориса Ивановича Словоца (1874–1924).

2 мая <1911 г.>

Золотая моя, ненаглядная, Катенушка моя сладкая! Получил сегодня твою открыточку и принесли посылку. Спасибо моя лапушка. Ты уже знаешь, что я не поехал в Вольск, но если будет погода, то, может быть, еще прокачусь. Тем более, что Гордягин тоже собирается. С ним было бы приятно прокатиться, он интересный и приятный человек.

Сегодня я проспал, т.к. лег вчера поздно. Пошел в лабораторию и опять возился с зеркалами. И теперь нашел, что они вполне годны – это я их туго зажал в оправу и тем искривил. Вполне еще их не установил, но все же теперь ясно, что ими можно пользоваться.

К часу мы все (профессора) собрались и поздравляли В<асилия> И<вановича>, читали ему адрес (читал Ив<ан> Аф<анасьевич>). Было трогательно. Мы его хвалим, а он – нас. Потом немного глупый тон внес Челинцев. Такой он индюк дутый. Разумовский приглашает к себе в пятницу вечером.

После обеда пошел купить почтовой бумаги, зашел за Заборовским и отправились снимать. Снимал сегодня три низких тона: А, О и Е; кривые получаются совсем другие, чем для высоких тонов. Я взял сегодня гораздо уже щель и потому кривые гораздо тоньше, но зато не так резко. Можно будет усилить. Мне интересно проследить кривые для различной высоты тона и для различного тембра. После Заборовский пришел ко мне и мы пили чай. Но сегодня в садике нельзя было, т.к. погода испортилась.

Маленькая моя, милая, я тебя каждую ночь во сне вижу. Сегодня видел, что Митюшка захворал и даже забеспокоился. Ну да, Бог даст, это связи с действительностью не имеет. <...> Господь с тобой, моя радость. Целую тебя крепко, крепко. Напишу еще папе с мамой отдельно. Всю тебя, мое счастье, целую. Ребяток милых поцелуй и поласкай за меня.

5 мая <1911 г.>

Дорогие мои! Сегодня пишу, не окончив еще дня. Сейчас восемь часов и вечер мы все проводим у Разумовского. Пишу теперь, т.к., верно, придется поздно вернуться.

Сегодня я в лаборатории почти не был, т.е. заходил не надолго. Днем фотографировать нельзя, а параболические зеркала все еще не готовы. Отправился по трамваю на стройку посмотреть, что делают. Пласт уже сняли, т.е. $\frac{3}{4}$ арш<инов> земли со всей поверхности, и начали копать под подвальное помещение и стены. Ведь Шишко¹ неожиданно (я думаю, даже для самого себя) устроил подвальные помещения для кладовых. Эти помещения будут не особенно высоки, но очень просторны. Около 75 квадрат<атных> сажень.

Погода у нас испортилась – холодно и ветрено, должно быть и в Москве тоже. Неужели опять цвет сада погибнет? После обеда поиграл на скрипке, прочел газету и отправился в школу. Теперь уж все, кажется, девицы прорелетировались. В субботу мой экзамен. Пока записалось только человек 7, да четверо просили их раньше проэкзаменовать и уже прошли. Опять громадное большинство заложат экзамен на будущий год, но я уже в течение года не буду экзаменовывать, а назначу сроки осенью и около Рождества.

Хочу велеть Федору окна в гостиной и кабинете замазать мелом, а то за лето обои и мебель в кабинете очень выгорят. Боюсь, что Федор Троицкий запоздает, надо будет ему написать, чтобы являлся 18-го или, в крайнем случае, 19-го, а то он меня задержит. Я думаю, получивши 20-го жалованье и расплатившись с хозяином, 20-го же выехать. Боюсь тоже, не задержала бы Строительная комиссия. Все еще не все приведено в ясность. Господь над всеми вами. Крепко вас всех целую.

¹ Шишко Лев Петрович (1872–1942), архитектор министерства народного просвещения, занимавшийся проектированием здания Физического института.

10 мая <1911 г.>

Ненаглядная моя, золотая моя, сладкая Катенушка! Сегодня получил твое письмо от 7-го. Ты поплакала, мое солнышко. Я бы эти глазки–звездочки поцеловал крепко. Милуша моя, как давно вас всех не ласкал. Теперь уж не так долго, но последние дни всегда еще дольше тянутся.

Сегодня с утра шел хороший, теплый дождь. Напившись кофею, я отправился в лабораторию. Мои зеркала (большие) все еще не готовы, так что все еще нельзя их попробовать. Теперь весной и придется только попробовать, т.к. во всяком случае 20-го я выеду. На квартире до приезда Троицких поселю Ваню.

Из лаборатории отправился на постройку. Дождь перестал, но там сделалась невообразимая грязь, так что я едва дошел до нашего места. Тут было два праздника, а потому работа не очень продвинулась. Бут начнут [ложить] в конце будущей недели. Я уж не буду дожидаться. Мюфке хочет устроить официальную закладку, но не знаю, когда это будет. Завтра заседание Строительной комиссии, может быть об этом будет разговор.

<...> Обедал у Поляковых. Ерм<олай> Ег<орович> показывал мне скрипку своей собственной работы, – очень прилично сделана и звучит недурно. Полозова не отыскали, да я сказал Ек<атерине> Вас<ильевне>, чтобы она очень об этом не заботилась. Все равно, я думаю, толку из свидания, да еще вынужденного, не выйдет. После обеда отправились на пристань Яхт–Клуба, по дороге зашли за Фербергами и покатались на лодке, а потом все сидели над Волгой на площадке Яхт–Клуба. Очень хороша теперь Волга. Вечером везде огни зажглись, так красиво! С нами сидел еще Б.А.Арапов¹. С ним мы и отправились домой, а те еще там остались.

Милушка моя. Господь над тобой. Крепко, крепко целую тебя, мое счастье ясное. Ты лучше всех на свете. Ребяток целую и папу с мамой.

¹ Арапов Борис Александрович, частный поверенный и гласный Саратовской городской Думы.

12 мая <1911 г. >

Золото мое ясное, лапушка моя, Катенушка! Получил сегодня твое сладкое письмо <...>. Боюсь обещать, но может быть удастся выехать 18-го вечером. Но, милая, это не очень наверно. Хотется 15-го в воскресенье прокатиться по Волге. Хотелось вниз до Камышина, да выходит так, что на одном пароходе с Мечниковым¹; уж не знаю, может быть, не поеду, хотя можно ведь и не знакомиться. Уж очень сейчас Волга хороша.

<...> Сегодня я с утра был в лаборатории, устанавливал большие зеркала. Как я и ожидал, вибратор слабоват или, лучше сказать, по таким волнам гальванометры и термоэлемент грубы. Придется это дело <...> до осени отложить. <...> Вечером опять снимал. Сегодня провозился очень долго, т.к. что-то свет не ладился. Ну все-таки из шести пять фотографий удались. Снял звук скрипки. Маленькая моя, я захвачу с собой все фотографии и займусь летом их изучением. Надо научиться раскладывать их на простые колебания. Это довольно сложная математика. Вот Деревицкий² меня, не знаю почему, хвалит, а я его не могу похвалить. Опять так напутали они мне с Феодором, что не знаю, как и распутают. В<асилий> И<ванович> обещает в Питере похлопотать.

Господь над тобой, мое счастье. Крепко целую мою Кисану, деток милых и родителей.

¹ Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог и патолог, член-корреспондент (1883), почетный член (1902) Петербургской Академии Наук; лауреат Нобелевской премии (1908); с 1888 года жил и работал во Франции. 14 мая 1911 года, направляясь в Астрахань, он останавливался в Саратове, где посетил университет, ветеринарно-бактериологическую станцию и художественный музей имени А.Н. Радищева. В составе волжской экспедиции, помимо самого И.И. Мечникова, находилось еще три сотрудника – француз, итальянец и японец. Сопровождала ученого и его жена О.Н. Мечникова, а также ученик и друг Л.А. Тарасевич (См.: Разумовский В.И. Из жизненных встреч // Новый хирургический архив. 1927. Т. XII. Кн. 4. (№ 48.) С. 496).

² Деревицкий Алексей Николаевич (1859–?), историк, попечитель Казанского учебного округа.

31 мая <1912 г. >

Милое мое золото, лапушка, Катенушка! Как-то вы все, дорогие мои, поживаете? Сейчас вы одни, дедушка-то в Москве.

Жара тут несусветная. Пока я еще не устал и не очень от нее мучаюсь. С утра пошел в университет и собирал с Ваней вещи к двум первым лекциям. Потом зашел в канцелярию, получил деньги и повидался с Разумовским, Чуевским, Гордягиным и Павловым¹. В<асилий> И<ванович> зовет в воскресенье в гости на дачу. Так что в эти дни в Хвальнск не поеду. Думал было, в субботу в Пристанное съездить, да по такому пеклу прямо не решаюсь.

В 1 часу дня было торжественное открытие курсов с губернатором и архиереем². Слушателей – до семисот человек. Не знаю уж, как будет вместишь аудитория такую толпу? Губернатор и архиерей говорили речи, потом говорил председатель земства и школьного начальства – наш сосед Карпов³. После речей и молебна всех позвали пить чай. Мы с Словцовым тоже пошли, но не пили чай, т.к. там была большая сутолока. Мы потолкались и пошли по домам.

Обедал дома в четвертом часу. Ел козину простоквацу. Коза еще у нас, но я думаю ее продать, т.к. молока она дает немного, а зимой будет затруднение с помещением. В квартире все очень чисто и в порядке. Даша, по-видимому, очень довольна, что остается здесь. Рыбы стоят в Митюниной комнате. Цветы – в

гостиной. Окна замазаны. Сегодня пришлось еще в 6 часов > нескольких фельдшерниц репетировать. Теперь уже окончательно все. Даша приготовила мне чай в садике, но там масса мошек. Пришлось посылать за гвоздичным маслом. Помазал бороду и волосы – перестали приставать. После чаю перевезли приборы в аудиторию, а теперь я вторично пью чай и [затем] сяду составлять конспект. Да, купил себе штаны у Бендера за 11 рублей, сидят очень прилично.

Господь над всеми вами. Крепко целую тебя, солнышко, папу, маму и милую тройку.

¹ Павлов Владимир Алексеевич (1863–не ранее 1935), ординарный профессор по кафедре гистологии и эмбриологии Саратовского университета.

² Имеются в виду Стремоухов Петр Петрович (1865– ?), саратовский губернатор в 1911–1912 годах, и Алексей (в миру Дородницын) (1859– ?), пресвященный, доктор церковной истории (1910), епископ Саратовский и Царицынский (1912–1917).

³ Карпов Аркадий Петрович, директор народных училищ Саратовской губернии.

4 июня <1912 г.>

Золото мое ненаглядное, Катенушка сладкая! Вчера не писал, т.к. отправился на дачу к Разумовским и вернулся поздно <...>. Разумовские и Вормсы живут в густом липовом лесу. Место очень красивое – довольно крутые горы покрытые хорошим лесом. Есть немного воды, так что ребята купаются. Все там очень приветливы ко мне и тебе. Все кланяются тебе. Вечером мы с Вормсом ходили гулять, а маленькая Пуся дожидалась, не ложилась спать, чтобы передать привет Митеньке и Танечке. Конечно, это научно, но во всяком случае Пуся поклон посылала очень мило. Там были гости – Словоцовы, Гордягин и Лозановы. Словоцовы приходили с прощальным визитом перед отъездом в Питер¹.

Милая моя, спасибо за сладкие письма. Очень интересно, что ты скажешь о фотографиях? Я привезу с собой все заказанные.

Сейчас пишу в лаборатории. Собираем лекцию. Сегодня буду читать о звуке. Все–таки таскать каждый день приборы ужасно канителью, да кроме того там ток 110 Volt, а у нас – 220, так что наши двигатели не годятся и приходится прилаживать каждый раз. Жара ко всему этому – невозможная. Вчера в 12 часов ночи на улице термометр показывал 22 градуса, а в комнатах – 23. Утром и перед сном обливаюсь в ванне – это хоть немного освежает. В Волге купаться не решаюсь, хотя в Яхт–Клубе порядочная купальня, но выше стоит большой караван барж и значит здесь легкий раствор всяких отбросов. Воды все еще очень много. Не знаю, рискну ли ехать в Хвалынский? Говорят, такая теснота на пароходах, что спать мест нету, а ехать ведь надо всю ночь. Пожалуй, только намучаешься.

Господь над всеми вами. Крепко целую тебя, мое счастье, папу, маму и милых ребяток.

¹ Переезд семьи профессора Б.И. Словоцова в С.–Петербург был связан с его назначением 8 сентября 1912 года экстраординарным профессором С.–Петербургского Женского медицинского института по кафедре медицинской химии.

7 июня <1912 г.>

Золото мое ненаглядное, Катенушка! Вчера получил письма – твое и папы с мамой. <...> Собираетесь ли на солнышке купаться? У нас сегодня, слава Богу, попрохладнее и я спал прилично. <...>

Вчера читал пятую лекцию. Таким образом, остается меньше, чем пройдено. На лекции присутствовал председатель губернской управы Гримм¹. Когда я кончил уже и народ расходился, я остушился на эстраде и загремел во весь рост, но, по счастью, совсем не ушибся. Эти лекции требуют большого напряжения и после окончания некоторое время не придет в себя. Лекции мои, по–видимому, у слушателей имеют успех. Народу каждый раз много и слушают с большим

вниманием. Вчера говорил о теории цветов и, между прочим, показывал свои цветные фотографии, которые имеют неизменный успех. Завтра последняя лекция по свету, а там в три лекции электричество.

Опять сегодня приходили и приставали ехать на Эльтон. Уж и не знаю, как быть. Собственно, толку от моей поездки ни для меня, ни для них никакого не будет, т.к. настоящий прибор для исследования радиоактивности до сих пор не получен. А с нашим, думаю я, что ничего не определишь. Если не поеду в Хвалынский, то в воскресенье съезжу к Полозовым в Разбойщину.

Господь над тобой, дорогая, милая Кисана, и над всеми вами. Крепко целую тебя, папу, маму и милых маленьких.

¹ Гримм Константин Николаевич (1858–?), председатель Саратовской губернской земской управы (1906–1917), член III Государственной Думы, октябрист.

9 июня <1912 г.>

Ненаглядная моя Катенушка, золотая! Сегодня получил твое письмо, где пишешь, что Таточка обо мне вспоминает. Скажи милой деточке, что папа теперь уже скоро приедет.

Ты уже знаешь, что я отказался от Эльтона¹. Я думаю, что с испытанием потолка не задержусь, т.к., конечно, важно быть при первых испытаниях. Может быть удастся выехать в субботу с вечерним [поездом] и тогда в воскресенье с одним из вечерних приеду в Дубну. Но, милая, это не наверно. Если с испытаниями будут какие-нибудь недоразумения, то придется, может быть, задержаться день другой. Твой красный галстучек я положил уже в саквояж. Рецепт один на всякий случай посылаю.

Вчера читал об интерференции, дифракцию и поляризацию. Это немного трудно для такой аудитории, но мне хотелось об этих вещах рассказать, т.к. иначе колебательная теория света останется пустым звуком.

А опыты с поляризацией, ты ведь помнишь, как красивы. Заходил сегодня к Мишке² в управление и уговорились завтра вместе ехать к ним на дачу. Сегодня собираем опыты к предстоящим лекциям, а пообедав, отправимся с батей³ к Разумовским, куда очень звали.

Господь над всеми вами, мои дорогие. Крепко тебя, солнышко, целую. Поцелуй за меня папу, маму и ребят.

¹ Вопреки данному утверждению, В.Д. Зёрнов принял участие в экспедиции на озеро Эльтон. Кроме него в поездке были задействованы «...почти все профессора университета – и хирурги, и гинекологи (Спасокукоцкий и Какушкин), и терапевты, из естественников – ботаник А.Л. Гордягин, химик Р.Ф. Холлман...». Как вспоминал впоследствии Владимир Дмитриевич, от него, как ученого-физика, требовалось обследование эльтонской лечебной грязи на присутствие в ней радиоактивных излучений. Справиться с подобной задачей в полевых условиях при отсутствии сложного лабораторного оборудования было, конечно, непросто. И все же с помощью фонтантоскопа – удобного портативного аппарата для изучения радиоактивных изотопов, накануне поездки специально для этих целей выписанного из Германии и некоторых других приспособлений, изготовленных по чертежам В.Д. Зёрнова талантливым механиком-самоучкой Ф.Ф. Троицким, удалось произвести все необходимые измерения. В результате выяснилось, что эльтонская грязь в ее сухом виде «...сильно ионизировала воздух, обнаруживая радиоактивность, значительно превышающую таковую одесских лечебных грязей» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1994. № 2. С. 130–131). Полученные ученым данные были тогда же обобщены и в виде научной статьи опубликованы в университетских «Известиях» (См.: Зёрнов В.Д. Радиоактивные свойства эльтонской лечебной грязи // Известия Императорского Николаевского Университета. 1913. Т. 4. Вып. 3. С. 156–161).

² Полозов Михаил Александрович (1878–1930-е гг.), гимназический товарищ В.Д. Зёрнова.

³ Так профессора Саратовского университета между собой дружелюбно величали профессора православного богословия А.Ф. Преображенского.

10 июня <1912 г.>

Ненаглядная моя лапка, Катенушка! Получил твое письмо, где пишешь, что неладно себя чувствуешь. Что это с тобой, мое солнышко? <...>

Вчера без четверти пять отправились с батей по трамваю на Трофимовский разъезд. Попили чаю сначала у Вормсов, а потом у Разумовских и отправились на гору гулять. На самом верху горы – большая ровная площадка; ребята пристали, чтобы бегать с ними в горелки. Бегали все: и Вас<илий> Ив<анович>, и Вормс, и батя, и я. Батя запутался в рясе и упал – ноги кверху, но благополучно. А В.В.Вормс, хоть и не упал, а что–то ногу вытянул с отвычки бегать.

Несмотря на эти две неудачи, погуляли очень недурно. Сверху вид чудесный на горы и степь и даже видна Волга и Покровская слобода, до которой верст 15, если не больше. Ходили потом на карусель и гимнастику, – там дачевладелец для дачников устроил, а потом, поужинавши у Разумовских, отправились с батей домой. Вся молодежь нас провожала до трамва¹. Батя в Казань не уходит, – туда назначили другого. Он, впрочем, не огорчен и вчера дурил и по обыкновению плел разные глупости, но весело и добродушно. Лапушка, если я выеду в субботу, то никаких покупок в Москве не сделаю, т.к. будет все заперто. Выеду я утром или вечером – все равно из Москвы я поеду с поездом [в] 4 ч<аса> 45 м<инут>. Ты выедешь меня встречать? Милая, мне сладко к тебе возвращаться. <...>

Ты это письмо получишь, когда я уже буду кончать лекции (кончаю в среду). Господь над тобой, мое солнце, над всеми вами. Всю тебя целую и ласкаю мою птичку. Поцелуй за меня папу, маму и ребят.

¹ Так в тексте; имеется в виду трамвай.

12 июня <1912 г.>

Золото мое ясное, ненаглядная моя птичка, Катенушка сладкая! Осталась одна лекция завтра и конец. Хоть и приятно такой аудитории читать, а все–таки хорошо, что завтра последняя лекция. Все время выход на кафедру встречали аплодисментами, а сегодня, верно потому, что предпоследняя лекция, такими аплодисментами встретили, что долго нельзя было начать. Хлопот, правда, много. Ваня от хлопот и жары даже осунулся. Ну, правда, он хорошо помогает и оба Феодора стараются. Сегодня показывал катодные и рентгеновские лучи, электролиз и ток в проводах – каление. Завтра надо рано вставать – к девяти надо уже быть на Московской площади на испытании потолков, а потом провозимся с приготовлениями [на] завтра; приготовления сложные – колебания Герца и колебания Тесла, и поющая дуга, и еще разные разности. Напоследок угощу их интересными вещами.

В четверг пойду покупать ризки, да надо деньги с земства получить. Федорам буду просить по 10 р<ублей>, а Ване – 45 р<ублей>; так получил в прошлом году ассистент, который, говорят, ничего не делал, а Ваня с утра до вечера занят.

Последние дни не ходил на Волгу, – надо будет сходить посидеть; она все еще полна и широка, как море. Последний год вода очень мало спадает. Сегодня и вчера опять жарко, но сегодня несколько раз принимался дождик. Милушка моя, следом за этим письмом, верно уж, будет телеграмма о моем выезде. <...>

Сегодня снимались с царицынским уездом, завтра снимаемся с аткарским. Во главе групп сидит Гримм, потом лекторы и администрация курсов и учителя. <...>

Господь с тобой, солнце, и со всеми вами. Целую тебя, радость, всю. Приласкай за меня ребяток и поцелуй папу с мамой.

2–го сентября <1913 г.>

Золото мое ненаглядное, Катенушка! Сегодня был молебен перед началом ученья и несколько человек экзаменовались. Батяка очень хорошую речь сказал. Профессора все съехались. Не видать только Бирукова. Из университета часа в два отправились с Ефимовичем¹ на стройку. Ну там дела, конечно, не бойко идут, хотя в аудитории устанавливают косауры под амфитеатр и в коллекции стелят паркет по асфальту. Помещения практикума тоже почти готовы. Остается

наклеить линолеум и покрасить. Но т.к. главная лестница не готова, то окончательно перейти и читать лекции можно будет только с Рождества. Да и то это мечты Мюфке, а он довольно мечтателен. Правда, его на каждом шагу подводят подрядчики.

После обеда <...> отдали мои башмаки чинить и панаму чистить. Осеннюю шляпу мою Кобер вычистил очень хорошо и новую кожу поставил. Шляпа совсем новая стала. Потом <...> хотел я Неклепаевых позвать пить чай, но оказалось, что к ним приехала «Мария» и А<нна> М<ихайловна>² просила нас остаться пить чай у них. Ник<олай> Павл<ович> сегодня сдал последний экзамен и завтра последний раз идет в казармы, чтобы сдать винтовку. Бумагу об нем уже подали и она прошла через Совет 26-го авг<уста>. Он просто по своей скромности стеснялся подавать эту бумагу до тех пор, пока не выяснится, когда его отпустят. К сожалению, он, по-видимому, захватил малярию. Они сняли две комнаты около Митрофаньевского базара на Б<ольшой> Казачьей и платят 35 рублей в месяц.

Мосго ветрогона, Вл<адимира> Еф<имовича>, приглашают чуть ли не во все гимназии. Сегодня вызывал его Александров и предлагал уроки и в реальном [училище], и в женской гимназии. Он соблазняется взять несколько уроков в реальном и отказаться от части в женск<ой> гимназии.

Относит<ельно> поездки в Питер: Совет ходатайствует о командировании меня и о [выделении] 150 р<ублей> из спец<иальных> средств, но извещения о заседании нет. Думаю, что заседания в ближайшем времени не будет, а то бы пора получить извещение³. Занятия на курсах начнутся только 15-го. Лекции в университете я начинаю послезавтра.

Господь с тобой, моя радость. Крепко, крепко целую тебя и ласкаю мою Кисаньку. Поцелуй за меня ребяток, папу и маму. Господь над всеми вами.

¹ Сребницкий Владимир Ефимович (1890–1917), лаборант (с 1912), старший ассистент (с 1915) при кафедре физики Саратовского университета. Появление его на кафедре после смерти В.А. Заборовского «...дало возможность возобновить необязательный (бесплатный) курс практических занятий в лаборатории, который посещали 70 студентов I и III курсов, разделенные на 4 группы» (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 246. Л. 54 об.).

² Неклепаева (урожденная Михайлова) Анна Михайловна, жена ассистента при кафедре физики Саратовского университета Николая Павловича Неклепаева (1886–1941) и ее сестра Мария Михайловна Михайлова.

³ Речь идет об учрежденной «при Императорской Академии Наук, согласно журнальному постановлению Совета Министров от 5 сентября 1912 года, Межведомственной Комиссии для производства магнитной съемки России...» (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 355. Л. 3), представительство от Саратовского университета в которой было возложено на В.Д. Зёрнова. Первое официальное уведомление о сроках ее работы ученым было получено 22 августа 1913 года (Там же. Л. 6).

5 сентября <1913 г.>

Милая моя, дорогая, золотая Катенушка! Сегодня от тебя не было письма. Буду завтра ждать.

Сегодня утром экзаменовал, довольно много было. Потом отправились с Ефимьчем на стройку. Надо было с Мюфке об доске поговорить. Ходил по институту. Дела, как будто, продвигаются. Завтра с утра придется опять на стройку идти по поводу электричества. В первом здании уже начали занятия, но, конечно, на биваках. Аудитории еще не кончены, да и вообще еще много мелочей. Но факт уже тот, что там читают лекции.

Проходили до обеда, а после обеда устраивали «practicum» у себя. Я ведь объявил обязательный «practicum», так надо это выполнить. Пришлось шкапы выдвинуть в залу, а в комнату прибавить столов. Человек 25 одновременно можно пустить, хоть и будут, как сельди в бочке. Феодор Тархов почти ни в чем участия не принимает, т.к. все хворает. Спасокукоцкий будет ему операцию делать. Говорит, что у него хроническая язва желудка и сужение выхода из желудка, что это не опасная операция, и что он его хорошо починит. Но сейчас оперировать нельзя, т.к. Александровская больница ремонтируется и надо подождать до конца сентября. Таким образом, мы фактически без служителя и довольно на долго¹.

<...> Милуша моя, надо бы переезжать. Напиши скорей, как ты планируешь, а то я ничего не знаю. Получил сегодня приглашение на торжественное открытие С<сельско>х<озийственных> Курсов в зале Думы 15 сент<ября>, а извещения об утверждении нас лекторами не получал. Завтра там Совет и повестку я получил, вероятно, утверждение состоялось, но об этом нас не удосужились известить. <...> Хорошо, что мне начинать математику, а не физику.

Господь с тобой, солнышко. Крепко тебя целую. Целую маленьких корешков, папу и маму.

Когда поедете в Москву, надо на почте сказать, чтобы письма пересыпали.

¹ Необходимая операция Ф.А. Тархову была сделана в марте 1914 года, после чего В.Д. Зёрнов обратился в Правление университета со следующим ходатайством: «Имею честь покорнейше просить Правление ассигновать некоторую сумму, какую Правление найдет возможным, на лечение служителю при кафедре физики Федору Тархову, который после операции, сделанной ему профессором Спасокукоцким, нуждается в улучшенном питании и лучших условиях жизни». И благодаря заботе заведующего кафедрой служитель смог получить из специальных средств университета дополнительное пособие в размере 30 рублей. (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 419. Л.: 184).

6 сентября <1913 г.>

Золотая моя детка, милуша моя, Катенушка! Сегодня целый день ждал письма и получил только сейчас, придя с Совета С<сельско>х<озийственных> к<урсов>.

Получил сегодня извещение из Магнитной комиссии, что первое заседание назначено 24-го¹. Следовательно, я должен быть в Петербурге 23-го. Выхехать из Саратова надо, самое позднее, 21-го. Это обстоятельство совершенно сбивает наши планы. Как теперь быть с переездом? Если вы пробудете до 16-го в Дубне, то почти не успеете приехать в Саратов до моего отъезда. Если переедете в Москву и будете дожидаться моего обратного проезда из Питера, то в Москве придется долго прожить. Рыкачев² пишет, что заседания займут несколько дней, следовательно, я поеду обратно около 29-го сент<ября>. <...> Так этот Рыкачев подвел нас, изменив время заседаний³.

Сегодня с половины десятого до трех ходил по стройке с электротехником, пришлось обойти физический и анатомический [институты]. Просто ног под собой не слышал. Тотчас после обеда пришел Ефимыч – судили об практических занятиях, а потом пошли на заседание [Совета] <...>. Должен был идти Н<иколай> П<авлович>, но не решился в форме идти, а штатское еще не готово. <...>

Господь над всеми вами. Крепко, крепко тебя, радость, целую. Поцелуй деток, папу, маму и тетю Лёлю. Макаровых⁴, если они в Дубне, поцелуй.

¹ Имеется в виду письмо М.А. Рыкачева от 2 сентября 1913 года: «Милостивый государь Владимир Дмитриевич. Согласно большинству ответов на запрос от 25 июля с<его> г<ода> относительно времени собрания Магнитной Комиссии при Императорской Академии Наук, удобным сроком является вторая половина сентября.

Предполагая, что для возможно успешного движения вопроса о магнитной съемке России потребуются два или несколько заседаний и что для согласования постановлений и окончательной редакции проекта может потребоваться новая подготовительная работа, председатель Магнитной Комиссии покорнейше просит Вас принять к сведению, что для предстоящих заседаний следует иметь несколько дней начиная с 24 сентября сего года.

Программа заседаний с приложением некоторых материалов по вопросу о магнитной съемке России будет разослана своевременно.

Председатель Магнитной Комиссии, академик М. Рыкачев».

(ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 355. Л. 7–7 об.).

² Рыкачев Михаил Александрович (1840–1919) академик РАН (1917); академик Петербургской Академии Наук (с 1896); директор Главной физической обсерватории (1896–1913). В описываемый период председатель Межведомственной комиссии для производства магнитной съемки России.

³ В архиве сохранилось рукописное обращение В.Д. Зёрнова в Совет университета, из которого ясно, что 22 августа 1913 года им было «...получено уведомление от председателя <...>Комиссии генерала М.А. Рыкачева о том, что заседание комиссии он имеет в виду назначить в начале сентября» (ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 355. Л. 6).

⁴ Лёля – Власова Елена Васильевна (1887–1962), сестра Е.В. Зёрновой; Сомыство Гатальи Дмитриевны Макаровой, (урожденной Зёрновой) (1872–1934), старшей сестры В.Д. Зёрнова.

7 сент <ября 1913 г.>

Лапушка моя, милая Катенушка! Сейчас пришел от Вл<адимира> Е<фимовича> с новоселья. Пили чай и болтали «и все». А потом пошли провожать Неклепаевых. Н<иколай> П<авлович> совершенно кончил службу. В понедельник будем его баллотировать, а потом ему надо в Москву съездить. Выборы ректора будут, вероятно, числа 16. Пока еще ничего определенного сказать нельзя.

Господь над тобой, солнышко. Крепко, крепко целую тебя, золото мое. Поцелуй ребят, папу, маму и Лёлю.

10 сентября <1913 г.>

Золото мое ясное, сладкая Катенушка! Вчера не писал, т.к. вернулся из заседания Совета в два часа ночи. Заседание после лета идет не лучше, а хуже. Между прочим, Стадницкий¹ на одно замечание Вормса (кстати, сделанное по поводу того, что Стадницкий не желает определенно назначить время выборов ректора; Вл<адимир> Вас<ильевич> сказал, что, в конце концов, такая затяжка может показаться искусственной) <...> сказал буквально следующее: «Можете ваше мнение держать про себя». Тогда я заявил, что считаю такое обращение к члену Совета принципиально недопустимым. Ты не сердись на меня. Дело – то, по-видимому, в том, что ему хочется дожидаться моего отъезда, чтобы хоть одним червяком² иметь меньше. Уж ехать ли в Питер? Вдруг из-за моего шара этот идиот пройдет, а у него несомненно есть голоса. Все, кто хотят угодить начальству или обделать делишки, будут вести его, а таких порядочно³. Вчера же баллотировали Неклепаева. С ним баллотировались одновременно еще 6 лаборантов (между ними – 2 к Терebinскому⁴); все получили 24 и 0, только Неклепаев – 21 и 3. Характерно! Богомолец⁵ клянется, что это не его «молодцы», но, по-моему: 1) Стадницкий, 2) Терebinский и 3) Бируков. Эти безнадежны.<...>

Сегодня с утра и до трех часов был на стройке. Намечали во втором здании места для освещения, а потом для института выбирал раковины, умывальники, краны, все, кажется, пустяки, а <...> поглощает массу времени. Как только перейдем в институт, так сейчас же откажусь от строительной комиссии.

После обеда перед вечером покатались на лодке с Ефимычем и Богомольцами, – для этой цели они незаменимы. Готовы ехать когда угодно и О<льга> Г<еоргиевна>⁶ хорошо гребет. Вечером сидел у Галлера на заседании по поводу зубо-врачебной школы. Просят читать 2 часа в неделю (400 р<ублей> в год). Соблазнительно получить 400 р<ублей>, да больно уж много лекций. Как думаешь, может быть взять на один год, а там передам одному из ассистентов?

Господь над тобой, золото мое. Крепко тебя, Катенушку мою сладкую, целую. Поцелуй ребят, маму, папу, Лёлю и Макаровых.

¹ Стадницкий Николай Григорьевич (1869–1952), ординарный профессор по кафедре нормальной анатомии Саратовского университета; с 17 декабря 1912 по 25 января 1914 года исполнял должность ректора университета.

² Имеется в виду черный шар, означавший при закрытой баллотировке того или иного кандидата отрицательный результат.

³ Из отчета саратовского губернатора за ноябрь 1913 года видно, что «профессорская коллегия, состоящая из 25 лиц, резко разделилась на правых, с исполняющим обязанности ректора Стадниским во главе, и левых, в числе коих главную роль играют бывший ректор университета Разумовский и профессор Вормс.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 46). Сторонников жесткого курса в деятельности университетской администрации насчитывалось 10, а приверженцев демократических принципов академической жизни – 15 человек (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 13 об, 54).

⁴ Терebinский Владимир Ипполитович (1878– ?), ординарный профессор по кафедре

систематического и клинического учения о наклонных и сифилитических болезнях Саратовского университета.

⁵ Богомолец Александр Александрович (1881–1946), ординарный профессор по кафедре патологической физиологии Саратовского университета (1911–1925), впоследствии академик АН СССР (1932), АН УССР (1929), АН БССР (1939), АН (1944), президент АН УССР (1930–1946), Герой Социалистического Труда (1944). Во время ректорских выборов 1913 года активно поддерживал кандидатуру Н.Г. Стадницкого. Однако, входя в круг его сторонников, «умнейший и хитрейший А.А. Богомолец», как охарактеризовал его В.Д. Зёрнов в своих воспоминаниях, преследовал скорее личные чисто научные цели, нежели политические. Для него, по мнению мемуариста, «цель оправдывала любое средство, а целью в данном случае являлось иметь ректором человека недалекого, на которого, положивши ему белый шар при баллотировке, можно было бы успешно влиять. Трудно было предсказать, какие шансы имеет Стадницкий, но агитация, исходившая главным образом от Богомольца, была сильная...» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1994. № 3–4. С. 122)

⁶ Богомолец (урожденная Тихоцкая) Ольга Георгиевна (1892– ?), жена А.А. Богомольца.

11 сент <ября 1913 г.>

Ненаглядная моя! Получил твое письмо от 9–го. Что же это хворь завелась? Так уж это некстати. Господь бы дал поскорее наладиться. Буду ждать твоего письма.

Сегодня опять был Совет. Стадницкий забыл доложить одно экстренное дело и из–за одного дела собирал весь Совет опять. Кончили в 9 ч<асов> и я с Ефимьчем пошел пить чай к Неклепаевым. Они просят тебе кланяться.

Господь над тобой. Поправляйтесь скорее. Крепко, крепко тебя целую. Милых ребят, папу и маму, и Лёлю поцелуй.

13 сент <ября 1913 г.>

Лапка моя ненаглядная, сладкая Катенушка! Пишу последний раз на Лопасню. Может быть успеешь получить в день переезда. Получил сегодня твое письмо, где пишешь, что все температуры были нормальны. Дай Бог, чтобы дальше так было.

Сегодня с утра и до четырех часов происходила строит<ельная> ком<иссия>: заседали, лазали по постройкам, принимали отопление у меня и в пристройке к городской больнице¹. Вечером пришлось опять пойти к Галлеру. Я и все профессора отказались читать, т.к. зубоврачи вздумали теперь торговаться не только из–за платы за час, но и из–за числа часов, которое было минимально.

Господь над тобой и всеми вами. Целую крепко, крепко тебя и всех.

¹ Официальный акт о приемке здания Физического института и пристройки к городской больнице клинических помещений был окончательно составлен и подписан 4 октября 1914 года. В нем, в частности, говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся члены Строительной комиссии по сооружению зданий Императорского Николаевского Университета и члены Правления сего Университета, 4–го октября 1914 года производили совместно детальный осмотр строительных работ, выстроенных зданий Физического института и пристройки к городской больнице клинических помещений, причем найдено, что работы – каменные, каменотесные, штукатурные, лепные, кровельные, малярные, стекольные, столярные, устройство железных парапетов, балконы, слуховые окна, а также работы по внутренней отделке, а именно: мозаичные и железные лестницы, плиточные и паркетные полы, железобетонные потолки, штукатурные работы, малярные работы, скульптурные, лепные работы, амфитеатры в аудиториях, двери, рамы, стекла, подоконники, водопроводные, газопроводные, канализационные работы и проч<ее>, произведены вполне удовлетворительно; вследствие сего ПОСТАНОВЛЕНО: Передать здания Физического института и пристройки к городской больнице клинических помещений в полное распоряжение Правления Университета, согласно прилагаемой при сем подробной описи.

Председатель Строительной комиссии. Ректор Университета П. Заболотнов.

Члены комиссии и Правления: И. Чуевский, Вл. Зёрнов, прот<оиерей> А. Преображенский, А. Салько, К. Мюфке, М. Юдин, В. Павлов».

(ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 495. Л. 116).

14 сентября <1913 г.>

Золотая моя Катенушка! Это письмо получишь уже в Москве. Как-то переедете? Очень скучно мне, да еще неопределенность – когда ехать? Тоже не хочется подвести своих товарищей отъездом. Думаю уж так: если выборы будут назначены на понедельник 23-го – остаться до 24-го и 24-го выехать. Правда, к первому заседанию я опоздаю, но, вероятно, застану еще заседания комиссии и о работах ее буду осведомлен. Во всяком случае, познакомлюсь с Рыкачевым и, объяснив ему причину опоздания, буду просить на будущее время считать меня в числе людей, интересующихся этим делом. Ведь съемка проектирована в течение десяти лет. Ну да видно будет, может быть и не придется этого делать. Хотя мне эти господа подозрительны. Кажется мне, они выжидают удобного момента.

Лапушка, в сегодняшнем письме ты спрашиваешь адреса Вормсов и Какушкиных¹. Хотя ответ мой уже запоздает, но все же может в день 17-го напишешь: Какушкина Вера Александровна, М<алая> Кострижная, д<ом> Захарова; Вормс В.Н.², Вольская, между Немецкой и Большой Казачьей, кв<артира> проф<ессора> В<ормса>. Дом я не знаю, но если написать: кв<артира> профессора Вормса, то, конечно, письмо доставят. <...>

Вечер сегодня сижу дома. Готовил математику для курсов. За чаем Даша нас с Надей все время потешала рассказами, как Владимир Еф<имович> с Анной Мих<айловной> искали квартиру и все ссорились. Она ведь к Еф<имовичу> нежные чувства питает. Ты спрашиваешь, кого выдаю? Ни к кому не хожу. Разговоры об Стадницком отошнели. <...>

Господь над тобой, золото мое. Крепко, крепко целую тебя и ласкаю. Поцелуй милых деток, папу, маму и Лёлю.

¹ Семья ординарного профессора по кафедре акушерства и женских болезней с клиниками Саратовского университета Николая Михайловича Какушкина (1863–1942).

² Вормс (урожденная Вешнякова) Вера Николаевна, жена В.В.Вормса.

15 сентября <1913 г.>

Голубка моя ясная! Завтра вы трогаетесь. Дай Бог благополучно. Это уже мне приятно. Значит начнется переезд в Саратов.

У нас сегодня акт открытия Курсов¹. Был тов<рищ> министра гр<аф> Игнатьев² и заявил, что Министерство земледелия имеет в виду преобразовать Курсы в Институт, только когда!³ После обеда готовил лекцию и один новый прибор испытывали. Ефимыч потом сидел у меня. Пили чай. Надюшка что-то киснет.

Господь над всеми вами. Тебя, лапка, крепко целую. Поцелуй ребят, папу, маму и Лёлю.

¹ Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926), граф. В период министерства А.В. Кривошеина ввиду его болезни неоднократно исполнял обязанности главноуправляющего землеустройством и земледелием; с 9 января 1915 года министр народного просвещения.

² Высшие сельскохозяйственные курсы, торжественное открытие которых состоялось в зале Саратовской городской Думы 15 сентября 1913 года, были преобразованы в самостоятельный институт 22 июля 1918 года.

18 сентября <1913 г.>

Радость моя ясная, Катенушка! Получил твое письмо, где пишешь, что переехали. Ну, слава Богу, первый этап сделали.

Голубка, ты нас бранишь за политику; но когда на каждом шагу встречается тупость в соединении с нахальством, да еще приправленная стремлением половить в мутной воде рыбу, поневоле все нервничают. Устраниться совсем, ты знаешь – это не легко.

Собираюсь я выехать в субботу из Саратова, а в понедельник – из Москвы.

Не знаю, с каким поездом можно будет выехать из Москвы – надо попасть в Петербург рано утром. Вчера у нас были гости. <...> Электричество провели. Свет еще не давали и счетчики не ставили – это уже бельгийцы делают. Обещают к 30-му дать свет. Завтра начинаю на курсах. Как-то волнуясь. Дело в том, что завтра придется говорить на общие темы, а это всегда неприятно. Хочу сейчас написать еще отдельно папе, он мне написал такое хорошее письмо.

Господь с тобой. Целую крепко, крепко тебя, моя радость и деток. Милая Мурочка, неужели соскучилась об своем папе? Мне без вас такое впечатление, точно тяжелый сон: вот-вот пройдет, а все еще не проходит. Господь с вами.

19 сент<ября 1913 г.>

Голубка, моя, Катенушка! Сегодня начал лекции на курсах. Сделал только введение – говорил 1 час 15 минут. Когда сказал, что придется сначала заняться математикой, то, конечно, это вызвало неудовольствие, в особенности у тех, кто математику проходил. Ну, что же делать, надо всех сравнять. Командировки из округа до сих пор нет. Приехал попечитель¹.

Господь над тобой, сладкая, крепко, крепко целую тебя. Кабы ты была со мной, посоветовала бы, как быть – ехать или не ехать и когда? Целую ребят, папу и маму.

¹ Кульчицкий Николай Константинович (1856–1925), гистолог, профессор Харьковского университета. С февраля 1912 года состоял в должности попечителя Казанского учебного округа.

21 сент<ября>(7 3/4 утра)< 1913 г.>

Голубка моя ясная, Катенушка! Вчера вечером не писал, т.к. поздно кончил дела, а сегодня надо читать лекцию; хотел лечь спать – выспаться перед лекцией, но что-то не спится. Проснулся в половине седьмого и больше не уснул.

Подробностей наших дел писать не буду, приеду – расскажу. Смысл следующий: Стадницкому желательно меня сплавить, т.к. в этом случае есть надежда, что никто на выборах большинства не получит и он останется и<справляющим> д<олжность>. Командировки до сих пор нет – это не на руку Стадницкому и он известил меня, что меня вызывает попечитель, имея в виду разрешить мне командировку, а сам разослал повестку на заседание с выборами на 23-ье. Я успел до свидания с попечителем подписать повестку.

Попечитель был очень любезен, сказал, что меня не вызывал, а что [ему] Стадницкий сказал, что я очень спешу; и он (попечитель) мог бы в таком случае телеграфировать в Казань и ускорить командирование; но т.к. заседание Совета назначено, то меня никто не гонит и он ничего не имеет против того, чтобы командирование отсрочить. По-видимому, Стадницкий ошибся в расчете и попечитель не на его стороне.

Я телеграфирую сегодня вам, чтобы даром меня не ждали в воскресенье, и Рыкачеву – об опоздании. В Москву приеду в среду утром и с 8-и часовым поездом вечером выеду в Петербург. С петербургскими членами комиссии все равно познакомлюсь и, думаю, еще застану заседания. Во всяком случае, получу от Рыкачева все нужные сведения. Уехать от выборов решительно нельзя. Все товарищи (нашего толка) – от В.И. Разумовского до нового Скворцова² включительно – просят остаться. Милуша, я знаю – ты огорчаешься этим; я сам от всей этой неурядицы отвратительно себя чувствую, да надо выйти из этого положения, чтобы потом не было поводов к попрекам. Ввиду всего этого можно отъезд из Москвы не фиксировать непременно на 29-ое, а, если хочешь, остаться до 31-го. Во всяком случае, я на обратном пути из Петербурга буду свободен и могу пробыть несколько дней в Москве.

Господь над тобой, сладкая моя. Не сердись на меня. Крепко, крепко тебя целую. Поцелуй ребят, папу и маму.

¹ Речь идет о Скворцове Владиславе Ириарховиче (1879–1959), 6 апреля 1913 года назначенном экстраординарным профессором по кафедре фармакологии с рецептурой, токсикологиею и учением о минеральных водах Саратовского университета и входившем в группу левой профессуры.

11. VI. <1914 г.>

Золотая моя Катенушка! Проводил сегодня Надю. Она тебе привезла уже портреты, письменные принадлежности, рамку, кружки и куклу. Не знаю, такую ли куклу я купил, да все равно – ведь и дорогую в конце концов разобьют. Эту хоть не жалко.

Письма моего Ваня не получил. Оказывается, оно провалялось в библиотеке. Когда я приехал, то ничего не было готово и я, не заезжая домой, должен был все собирать. Едва успел пообедать и умыться. Аудитория была совершенно полна. На первый час вошло по билетам 425 человек, но не было ни тесно, ни душно. Правда, погода стоит не жаркая. Очень красива моя аудитория залитая народом.

Сегодня заходил перевести газету и редактор Архангельский меня интервьюировал относительно Москвы. Я сказал ему, что намерен отказаться от баллотировки. Не знаю, спрашивал он так, для себя, или чтобы написать в газете, т.к. сообщение «Русск<ого> Сл<ова>» было в несколько измененном виде перепечатано и в «Сар<атовском> Вестн<ике>». От Лахтина² я действительно получил официальное письмо с предложением прислать письменное обязательство, что мною в трехлетний срок будет получена степень доктора. Удивляюсь, что не указано, что такое обязательство должно быть написано на вексельном бланке и не упоминается о неустойке, в случае нарушения контракта. Отвечать на это послание буду из Дубны, чтобы ответ проредактировать с тобой и с папой².

Девушки Неклепаевы, по-видимому, собираются серьезно к нам. Как тогда, вышлете лишний экипаж или нанять? Троицкий со смущением сообщил мне, что родилась у них дочь Антонина. Крестила ее Татьяна. О том, кто записан крестною матерью, Феодор отозвался неопределенно. Ну все равно, риски я куплю.

Господь с тобой, моя лапочка. Крепко целую тебя. Поцелуй за меня папу и ребяток.

¹ Лахтин Леонид Кузьмич (1863–1927), математик, профессор (с 1896 года) и декан физико-математического факультета Московского университета.

Письмо, о котором идет речь, было написано Л.К. Лахтиным 28 февраля 1914 года и имело совершенно иное содержание. Вот его дословный текст: «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич. В виду поступившего от проф<ессора> Б.С. Станкевича заявления о его желании рекомендовать Вас Факультету в качестве кандидата на вакантную ныне профессуру по кафедре физики, покорнейше прошу Вас о присылке письменного заявления, будете ли Вы согласны на баллотировку на вышеуказанную должность.

В случае согласия благоволите прислать Ваше жизнеописание и список ученых трудов или самые труды.

Ответ Ваш желательно, было бы получить к следующему заседанию Факультета, которое будет иметь место 12 марта.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении и преданности. Л. Лахтин» (Архив В.Д. Зёрнова).

² После детального обсуждения на семейном совете перспективы своего перехода в Московский университет и возможных после этого последствий, Владимир Дмитриевич, по совету отца, решил все же написать официальный отказ. «Учитывая всю сложность отношений в Москве и мое исключительно благоприятное положение в Саратове, даже и материальное, которое значительно улучшилось с открытием сельскохозяйственного института и женских медицинских курсов, мы с папой и решили, что Москвой соблазняться не стоит» (Зёрнов В.Д. Указ. соч. // Волга. 1994. № 2. С. 138).

17. VI. <1914 г.>

Дорогая моя, золотая Катенушка! Считаю дни и часы, когда наконец поеду к тебе. Девушки Неклепаевы собираются ехать и как будто охотятся. Обе ходят на

мои лекции, а в перерыве и после лекции поят меня чаем. Сегодня весь день облачно и прошел дождь, а к вечеру поднялся ветер. Как-то в Дубне? Завтра непременно жду письма.<...>

Думаю я, не отложить ли настилку линолеума до осени? Ведь это дело двух, трех дней, а без призора, боюсь, потом вещей не досчитаешься. Или уж Ивана поставить сторожить, да больно он вислоухий.

Даша сварила сегодня землянику садовую. Варенье вкусное, не переваренное. Сейчас с ним пил чай. Встретил сегодня соседку Е.А. Штаф. Все зовет в гости, теперь уж на дачу. Велела тебе кланяться. В этот приезд ни к кому больше не поеду. Все вечера заняты. Мюфке просил остаться для какой-то приемки, но решительно отказался. Теперь меня не заманишь. Институт готов. Вот все, что мне надо. А институтом я очень доволен. Такой он симпатичный. Мне кажется, он симпатичнее тех зданий, или уж от того, что мой.

Разбирал сегодня ноты после лекции. В переплет отдам по приезде осенью. Спрашивал я относительно педагогических земских курсов для Нади. Оказывается, что, вероятно, обучение на них будет бесплатное и, если Надя захочет, ее можно будет зачислить. Л.В. Титова приглашена помощницей заведующего (не думаю, чтобы это был удачный выбор).

Пойду спать. Спи с Богом, моя лапка. Господь над всеми вами. Крепко целую тебя, моя Кисанька. Поцелуй, папу и ребят.

PROFESSOR V.D. ZERNOV LETTERS OF THE PERIOD OF FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF SARATOV UNIVERSITY 1909–1914

In the article the basic life stages of V.D. Zernov, Doctor of Physics and Mathematics, one of the first professors of Saratov University, opened in 1909, are briefly covered. The article completes the first publication of V.D. Zernov letters, concerning the events of the period of Saratov University foundation.

The introductory article, comments and preparation of the texts for publication are made by V.A. Solomonov.

Соломонов Владимир Анатольевич – родился в 1962 году в Балашове Саратовской области. Окончив исторический факультет СГУ (1989), работал в Саратовском государственном техническом университете. В настоящее время – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России СГУ. Автор более 35 печатных работ по истории высшего университетского образования в России, специалист по вопросам дореволюционной истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, активно занимающийся в этой области сбором и публикацией первоисточников.